

тво. Настаиваю на слове «приоритет», причем на его единственном числе: и латинский корень, и здравый смысл требуют, чтобы приоритет был один — первый, он же последний. А когда наши начальники выкликают подряд десять или двенадцать «приоритетов», среди которых и армия, и преступность, и налоги, и пенсия, и поддержка театров, — сразу ясно, что ничего из этого реализовать они не в состоянии.

...До политики договорился — первый признак наступавшего марша. А ведь речь шла совсем о другом, о том, что построить сюжет и нарисовать героя, исходя из самого нормального человеческого приоритета — это целая литературная революция. Будь я писателем, рискнул бы ее затеять.

Дремлешь, друг престелтный? Чувствую, утопил я тебя болтовней. Но чего ты добиваешься от пожилого профессора? Не читала в популярных брошюрах, что в моем возрасте людям нужны уже главным образом разговоры? В твоем тоже? Значит, ничего я в женщинах не понимаю.

А тогда понимал еще меньше. Только с третьей встречи Тильде удалось выяснить со мной отношения. Был июль. От совсем еще нового Нового Арбата, обдуваемые теплым ветром, мы прошли по мосту на Кутузовский проспект и в конце концов оказались перед помпезным подъездом ее дома. Родителей Тильдиных тогда в Москве не было, зато в доме оказалось вдвоём вина со слегка смутившим меня немецким названием «Либфраумильх» («Молоко Богородицы», конечно, — это теперь неграмотные болваны, завозят его в Россию, снабжают наклейкой с идиотским переводом: «Молоко любимой женщины»). Квартира оказалась похожей на Тильду — раздольем, свежестью,

европейским сочетанием белого и золотистого цветов в обстановке, — такой тип дизайна только теперь, через четверть века, утвердился в московских фирменных офисах и жилищах нумворишей. Оказавшись рядом с Тильдой на бежевом кожаном диване, я неловко положил руку на круглые плечи и, следуя скорее соображениям вежливости, чем основному инстинкту, потянулся к ее губам.

Откровенно говоря, я был в то время практически невинен, несмотря на номинальный двух-трехлетний стаж встреч с ветренными ровесницами. До настоящей жизни с настоящей женщиной я просто не вырос: пардон за натуралистическую подробность, но тогда и мог на месяц позабыть об этой стороне бытия. Не знаю уж, что потом случилось в этой сфере и почему теперь арт-аманди постигают чуть ли не с детского сада. Неужели человеческая природа могла так стремительно эволюционировать? Одна приятельница мне рассказывала, как ее семнадцатилетний отпрыск вошел в дом на ночь всякий раз разных девиц, друга, стирая рубашку своего пятнадцатилетнего сына, нашла в кармане презерватив и готова его с гордостью публично демонстрировать. Как бы то ни было, в таком поведении этих в целом достойнейших дам мне видится нечто неаппетитное — не с моральной, а с вкусовой точки зрения. Тебе это тоже не по вкусу? Ну, как я рад, что мы с тобой оба такие нравственные! Не холодно тебе?

...Тильда уже успела в том году побывать в южно-европейских краях, но не потемнела от загара — адриатическое солнце лишь слегка позолотило тело, чьи нежные, овальные молекулы, коснувшись моих ноздрей, вмиг опьянили меня до потери сознания. Было бы грубым искажением сути происшедшего